

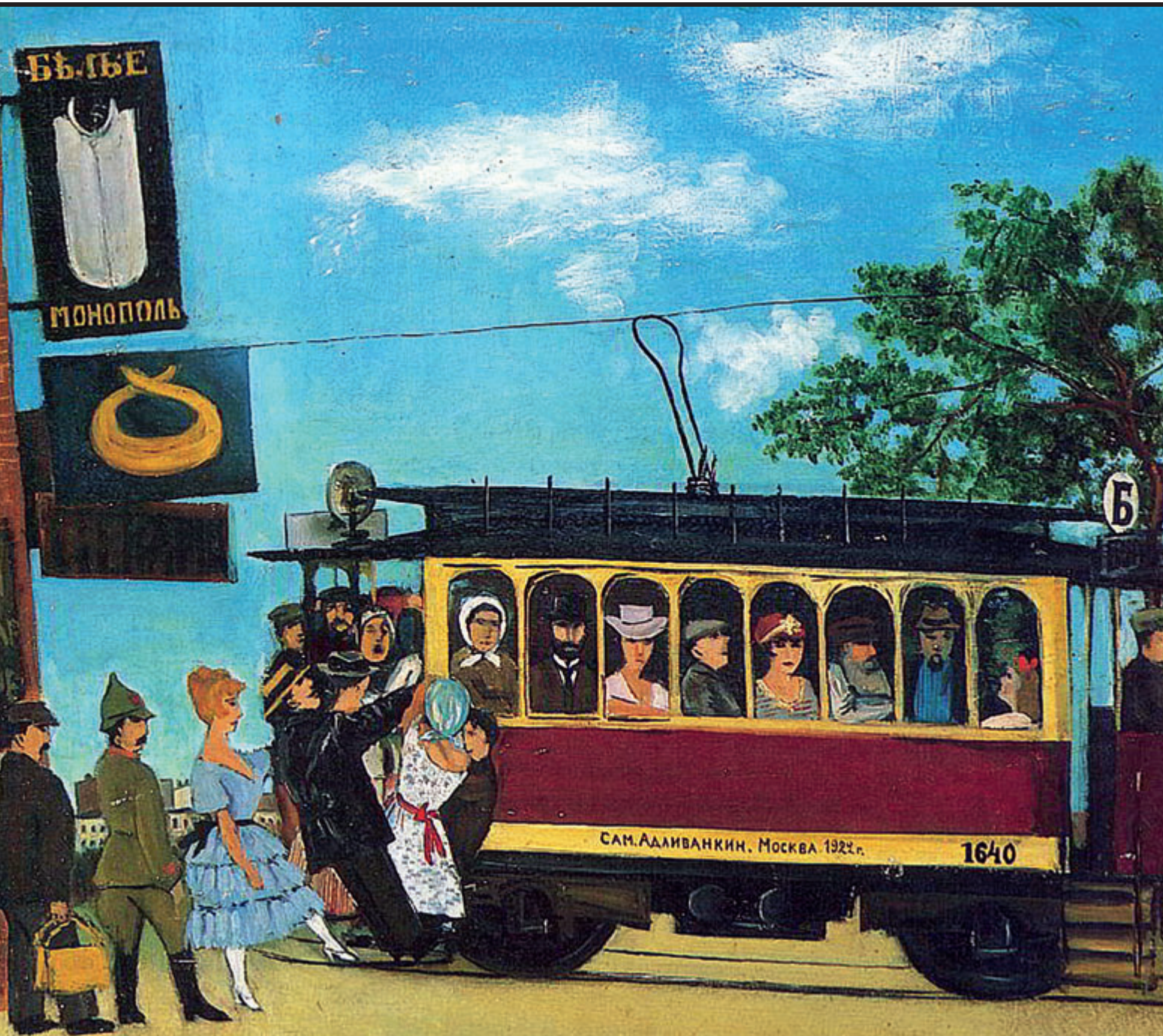
18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002 >

РОМАН №20 ГАЗЕТА

Юрий Козлов / Слепой трамвай

КОЗЛОВ Юрий Вильямович

Известный русский писатель, автор многих книг, лауреат ряда престижных литературных премий. Родился в городе Великие Луки в 1953 году. Сейчас живёт в Москве.

Первый роман Юрия Козлова — «Изобретение велосипеда» — увидел свет в 1979 году. Большой популярностью у читателей пользуются такие произведения писателя, как повесть «Геополитический романс», романы «Пустыня отрочества», «Ночная охота», «Проситель», «Реформатор», «Колодец пророков», «Одиночество вещей», «Закрытая таблица», «Враждебный портной» и другие. Проза Юрия Козлова переведена на многие иностранные языки.

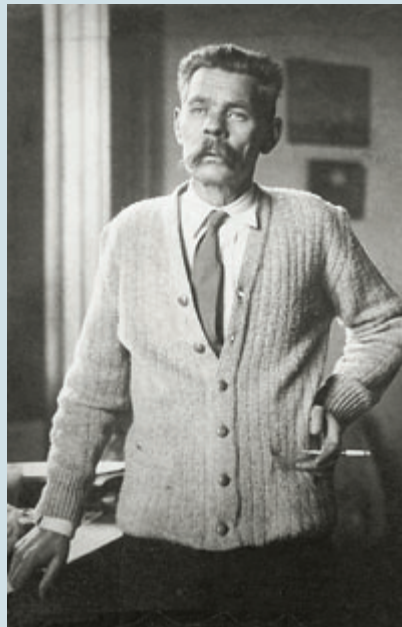
С 2001 года Юрий Козлов — главный редактор «Роман-газеты».

Товар вечной необходимости

105 лет назад, когда в России шла Гражданская война и было непонятно, что будет дальше, в Петрограде, по инициативе Максима Горького, было организовано издательство «Всемирная литература». Это был один из грандиозных проектов Наркомпроса. Возглавлявший первое советское «министерство культуры» Анатолий Луначарский верил в конечное торжество мировой революции, а потому решительно взялся за приобщение рабочих и крестьян к культуре. Он всерьёз размышлял над переводом русского языка на латиницу, видя в этом важный шаг к тому, чтобы, как писал Маяковский, «в мире без России и Латвии жить единым человечьем общезиьем». Понятно, что «гегемоном» в новом общезиитии будет пролетариат, но уже не угнетаемый эксплуататорами, а свободный, взявший судьбу цивилизации в свои трудовые руки. Давняя мечта Горького — «новый человек» — должен был ориентироваться в искусстве и культуре, как рыба в воде. Знакомство с мировой классикой поднимало его классовое сознание на глобальный уровень.

Планы нового издательства были грандиозны: полторы ты-

сячи томов лучших произведений мировой литературы за два минувших столетия. Помимо этого, планировалось издание двух половиной тысяч книг «тонкой» серии «Народной библиотеки» для массового читателя. В этой серии предполагалось публиковать не только классическую литературу, но и занимательные, исторические, юмористические и прочие произведения, способные вызвать интерес у читателя.

Горький — один из крупнейших писателей-реалистов сво-

его времени — любил размах. Поставив во главе издательства Александра Тихонова (Серебровва) — бывшего редактора отделов беллетристики в большевистских газетах «Правда» и «Звезда», он привлёк к работе известнейших деятелей русской культуры и науки: поэтов Николая Гумилёва и Александра Блока, литературоведа и переводчика Михаила Лозинского, писателей Евгения Замятина и Корнея Чуковского, ведущих академиков-литературоведов. Мировую классику предполагалось издавать со вступительными очерками и научными комментариями.

Не забыл Горький про современную и детскую литературу. Книги выходили в рамках серий «Новости иностранной литературы» и «Детские книги».

В начале XX века книгоиздательское дело в России было на подъёме. «Всемирная литература» использовала мощности крупнейшего в то время полиграфического комплекса «Копейка», издававшего дешёвые и хорошо оформленные книги для народа.

Горький, несмотря на скорый (после публикации критикующих власть «Несвоевременных мыслей») отъезд за границу, серьёзно и вдумчиво занимался орга-

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:

Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор

Елена Русакова

В оформлении
обложки использованы
фрагменты картин
Самуила Адливанкина
и Михаила Менькова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2023

Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-683350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные
индексы издания:

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2023 №20 /1937/ Основана в 1927 г.

Юрий Козлов

Слепой трамвай

Роман

1

По вечерам пластмассовый куб аптеки наполнялся светом, превращаясь в холодную, работающую от заката лампу. Куб выдвигным ящиком выглядывал из крепкого — сталинской постройки — здания-краба. Одной клешней краб вцепился в суставчатый, тянущийся от Садового кольца малоэтажный переулочек, другой — криво перекусывал его, открывая широкий проезд с Мясницкой улицы. Сверху дом, возможно, напоминал не краба, а затаившуюся среди дворов и деревьев свастику.

Ангелина Иосифовна работала в кубической аптеке без малого тридцать лет, а конца советских времён. Тогда аптека не имела пластмассового продолжения, а естественным образом размещалась в цокольном этаже дома. На другой стороне переулка напротив аптечного дома высились обливные стеклянные небоскрёбы. Когда-то на их месте тянулись приземистые, с заглублёнными для обороны от «воров», как обобщённо называли в старой Руси злоумышленников, окнами, старинные торгово-складские палаты. В советские времена перед пролетарскими праздниками их стены белили, чтобы кумачовые лозунги — «Дело Ленина живёт и побеждает!» (Седьмое ноября), «На работу — с радостью! С работы — с гордостью!» (Первое мая) смотрелись ярче и веселее. По какой-то причине палаты не удостоились охранной таблички «Памятник архитектуры». В нулевые годы могучие стеклянные ноги распоттали их, устремились, сметая натянную между шпилями сталинских высоток небесную линию, вперёд и вверх. Уплотнительная застройка скомкала, изорвала городской горизонт, как обвисшую бумажную ленту. Но пока ещё скатывающееся с Садового кольца солнце ненадолго задерживалось в узком вертикальном просвете между небоскрёбами, задумчиво заглядывало в аптечный куб.

В запутанном и скользком лекарственном деле Ангелина Иосифовна разбиралась лучше всех в аптеке, не уязвляя при этом коллег своими скальпельными, выходящими за рамки описаний и инструкций, курсов повышения квалификации и многолетнего практического опыта знаниями. Источник этих знаний, как догадывались, но предпочитали помалкивать коллеги, скрывался в древней как мир, хранящей горькую правду о человеке, непроницаемой глубине. Нормальные люди не стремились вглядываться в неё, дабы она, как предостерегал философ Фридрих Ницше, не начала вглядываться в них. Разве что мимолётно, для метафизического (как без этого образованному человеку?) куража, с быстрым возвращением в привычную реальность. Непроницаемая бездна существовала внутри окружающего мира, или мир существовал внутри неё? Ответа на этот вопрос не было. Дружественный нейтралитет, так можно было определить взаимоотношения Ангелины Иосифовны с повседневной, наполненной житейскими проблемами и страстями аптечной действительностью.

«Пойдёт. Заказывайте», — говорила она, пронзая взглядом, как лазером, привезённую со склада упаковку новых лекарств, не отвлекаясь на чтение скрученных в

бумажную пружину, развёртывающихся подобно пергаментным свиткам, описаний. «Две коробки на пробу. Через месяц — возврат», — предсказывала судьбу другого новейшего препарата, морщась, как будто уже держала во рту бесполезную горькую таблетку. И ведь никогда не ошибалась!

Меняющиеся (она помнила всех) заведующие, а в новые времена хозяева аптеки, ценили и уважали Ангелину Иосифовну за вдумчивую исполнительность и проникающий в душу препаратов и посетителей взгляд. Человек ещё только вошёл, а она уже знала, зачем пришёл, что ему надо, а главное, поможет ли ему то, что, как он думает, ему надо. Это было (по Канту) не подлежащее размену на слова «знание в себе». Оно же — сила, как гласил забытый лозунг советского времени. В первые годы аптечной службы Ангелина Иосифовна старалась скрывать силу своего знания и знание своей силы, но они всё равно обнаруживали себя, удивляя и пугая коллег.

Она умела управлять двуединой сущностью, иногда даже обращала её на пользу клиентам, но только в том случае, если чувствовала (по шучьему велению, по своему хотению), что это необходимо сделать. Так что было непонятно, кто чем (кем) управляет: она силой знания или сила знания ею? Все люди смертны, размышляла Ангелина Иосифовна, с интересом разглядывая случайного получателя бесценного совета, но некоторым по истечению срока выпадает необъяснимая задержка. То есть они для чего-то нужны. Кому? Чему? На этом вопросе, особенно если адресат бесценного совета казался ей проходимцем (Ангелина Иосифовна, как опытный торговый работник, безошибочно читала по лицам, как по книгам), мысль притормаживала. Если этот гусь кому-то для чего-то нужен, зачем лишнее, мечущее из аптечного окошка исцеляющий бисер перед больной свиньёй звено? Почему не напрямую? Неужели управляющий миром Высший Разум (он же непроницаемая бездна) не всемогущ? Или же — настолько всеобъемлющ и универсален, что ему плевать на формальную логику? Он просто не замечает её, как идущий человек не замечает, возможно, тоже по-своему логично мыслящего у него под ногами муравья. Думать об этом можно было бесконечно, а можно — не думать совсем. Ангелина Иосифовна, сколько себя помнила, как на качелях качалась между «бесконечно» и «совсем».

Начальство не возражало, когда в ясные осенние дни она выбирала смену с трёх до закрытия, чтобы не пропустить момент включения закатной лампы. Никому и в голову не могло прийти, что одинокая на исходе шестого десятка женщина может быть столь изысканно сентиментальной. Все думали, что с началом календарной осени в первую половину дня она занимается подработкой: консультирует в фитнесе или ведёт на удалённом доступе семинары по практическому (такая появилась новая прикладная наука) лекарствоведению.

Осень казалась Ангелине Иосифовне лекарством с истекающим сроком годности. У срока годности

было и другое определение — срок терпения. Человек (часто с помощью лекарств) терпел жизнь, а природа вынужденно терпела человека. Лекарство ещё действовало, но уже не в полную силу. Когда аптека наполнялась печальным светом, всегда тщательно выглаженный служебный халат Ангелины Иосифовны обретал крылатую лёгкость. Она почти доставала до зажатой в стеклянных тисках вечерней солнечной руки.

Но никогда не могла дотянуться.

2

Укладывая в фирменный пакетик очередному посетителю презервативы и освежающие дыхание леденцы, она подумала, что истекающий срок годности — верная единица измерения всего на свете. Занятому своими (понятно какими) мыслями молодому человеку в белоснежных кроссовках и укороченных штанах, жизнь, должно быть, казалась вечной, а лента презервативов в коробке бесконечной.

Сегодня я добрая, скользнула взглядом по лоснящейся самодовольной физиономии приобретателя презервативов Ангелина Иосифовна, пусть думает, что я спятила.

— Есть хорошее средство против экскреции кожного сала, — быстро, как радиный диктор-новостник произнесла она. — Его выписывают, когда высокий холестерин, но тебе будет в самый раз. Это называется непредусмотренный эффект, так иногда бывает с лекарствами. Мимо, но в десятку. Бери, отпущу со скидкой. У тебя разного размера зрачки, — впиалась змеиным взглядом в растерявшегося покупателя. — Наркоман? Вижу, пока на лёгких. Плюс врождённая анизокория. Да, презерватив надевай с припуском, — едва шевеля губами, чтобы тот не разобрался — она говорит, или прилетело по воздуху — посоветовала молодому человеку, — в натяг порвётся. Сделано в Индонезии, качество, сам понимаешь. А вообще... — вдруг замолчала, но остановиться не смогла: — Сдохнешь через год, если не соскочишь. Хотя, нет, — уточнила упавшим голосом, — раньше.

Ангелина Иосифовна не знала, откуда ей это известно, но знала, что её устами говорит (кричит!) новорождённая правда. Дальше ему решать — прижать её к груди, или оставить в колыбели и сгинуть. Она хотела добавить, что его больная, вздёрнутая комбинацией индийских транквилизаторов, некоторые из которых отпускались под регистрацию и исключительно по рецептам с печатью медицинского учреждения, бодрость иллюзорна и конечна. Она без труда могла их перечислить, но не видела в этом смысла. Глядя на вылезавший из потрескивающего терминала чек, она подумала, что пересказала растерянному, прячущему в бумажник банковскую карточку клиенту вечную притчу о слуге визиря, пытавшегося умчаться на быстром коне от Смерти в Тегеран, где та как раз и собиралась с ним встретиться.

— Вы что-то сказали? Извините, я не расслышал, — глаза у парнишки съехались к носу, бумажник как маленький кожаный дирижабль замер в воздухе.

Молодые живут с глазами закрытыми на смерть, вспомнила Ангелина Иосифовна слова какого-то философа. Даже при анизокории и индийских транквилизаторах, уточнила от себя. Кожное сало — не в счёт, смазка на пути в раннюю деменцию. Ты играешь с презервативами, освежаешь дыхание, приветливо улыбнулась парнишке, вернувшись мыслями к притче о Смерти и слуге визиря, а Смерть играет с твоими зрачками, как дитя с шариками, освежает своё дыхание тобой, как ты освежаешь его леденцами.

— Вы всё слышали.

Чек белым ленточным червём скользнул в фирменный аптечный пакет. Плевать, что и как он будет натягивать. Да хоть на голову! С ней часто такое случалось. Только что горела интересом к чему-то, и вдруг — раз! — лампочка выключалась.

— Девушка, чем могу помочь? — громко обратилась Ангелина Иосифовна к внимательно рассматривающей в дальней витрине утеплённые ортопедические стельки посетительнице в сильно надвинутом на лоб берете. Та вздрогнула, как если бы собиралась похитить стельки, но её застучали на стадии (по Оруэллу) мыслепреступления. Стельки, милая, чепуха, мысленно пожалела Ангелина Иосифовна девушку, встретившись с ней глазами, ты вся зудишь от аллергии, господи, да ещё где... на слизистой влагища ...

— Я... — заторопилась к выходу девушка.

Недавно Ангелина Иосифовна смотрела фильм про семейство землероек на канале «Природа». Крохотные детёныши забавно тянулись по пересечённой местности за матерью волнистой, похожей на ортопедическую стельку, шерстяной цепочкой, вцепившись друг другу в хвосты. Ведущий объяснил, что землеройки рождаются слепыми, но когда подрастают и начинают видеть, то не сразу могут победить привычку передвигаться подобным образом. Совсем как люди, подумала Ангелина Иосифовна, только не за матерью, а за деньгами. Она всю жизнь читала много и исступлённо). Ей часто снилась библиотека, но не современная, а старинная с кожаными томами на полках, бронзово-лапчатыми под зелеными стеклянными шапками лампами, на века сработанными дубовыми стеллажами и столами. В тёмных углах непонятной библиотеки как будто парили, струились подобно бледному дыму, не русского вида старцы в седых бакенбардах, в сюртуках, с надменно-презрительными, траченными временем физиономиями. Они не верили в людей, молчаливо предлагая Ангелине Иосифовне присоединиться к их безверию.

Людей с генетическими, неврологическими и прочими повреждениями с каждым годом прибывало. Кубическая, наполняемая закатным светом аптека, где работала Ангелина Иосифовна, похоже, была для них чем-то вроде капища. Некоторые ничего не покупали, а просто пялились на неё, как на прикреплённую к аптеке жрицу, топтались у стоек, потом понуро уходили. Или, как аллергическая девушка с огнём в трусах убежали, объятые античным ужасом.

Обычно она тяготилась вниманием ущербных людей, но сегодня гордо расправила плечи. Халат затрещал, но выдержал. Быть приобщённой к ВС (высшей силе), подумала Ангелина Иосифовна, не означает быть силой, но свидетельствует о доступе на кастинг на право быть не слепой и безгласной, как прежде, её частицей, а — видящей, слышащей и мыслящей, получить новый, расширяющий полномочия и возможности чин. Она как будто приблизилась к подножию уходящего головой в космос алтаря, и оттуда, из космоса на неё снизошло снисходительное одобрение: «Ну-ну, попробуй, посмотрим, как у тебя получится». Ангелина Иосифовна знала, что мир треснул, и из трещин на свет божий выбираются неправильные, застилающие истинный свет боги. Она перекрестилась непокорной рукой, вдруг заметив между стеклянными небоскрёбами сложившиеся (возможно, ей это только показалось) в крест закатные облака. Аптечный куб сделался пустым и прозрачным. Солнце землеройкой скользнуло в небоскрёбную нору, махнув на прощание хвостом. Так всё-таки крест или... хвост, засомневалась Ангелина Иосифовна.

3

Обобщённый (на всё), неизвестно кем определяемый срок годности, можно было уподобить вирусу соскребающему лишнее человеческое сало с лица земли. Ангелина Иосифовна не считала себя «социальной раисткой». У этого термина — она не сомневалась! — было большое (востребованное) будущее в новом, формирующемся на её глазах мире, управляемом правильными, застилающими истинный свет богами. Она, если и разделяла людей, то отнюдь не по социальным, во многом условным и изменчивым, признакам. Но иногда её гражданская благонадёжность давала сбой, соскальзывала в тёмную архаику, где неведомо обитали презирающие человечество сюртучные старцы в седых бакенбардах. Лишним салом ей упрямо представлялись так называемые публичные люди, оседлавшие радиоволны, заполонившие (на исходе СССР) экраны ТВ, а (в постсоветские времена) компьютеров и смартфонов. Кони устали! — хотелось крикнуть Ангелине Иосифовне, но упоённые эфирной скачкой публичные люди её не слышали. Помните, она как-то попробовала позвонить по названному в передаче номеру, но звонок увяз в тягучей музыке, сопровождаемой короткими гудками.

В позднее советское время у неё был приёмник, ВЭФ, он же «Спидола», рижского, кажется, завода. Когда он свалился с книжной полки на пол, взорвавшись жёлтыми и чёрными пластмассовыми осколками, она испытала, как писали в газетах того времени, чувство глубокого удовлетворения. Блаженная, лишь изредка нарушаемая глухим ворчанием воды в глубинных трубах, тишина установилась в квартире. Приёмник, поняла Ангелина Иосифовна, был иконой неправильных богов. Некто правильный невидимым божественным пальцем спихнул говорящую икону с полки и, стало быть, освободил Ангелину

Иосифовну, принял под своё крыло. Она надеялась, что не под красное советское — тоталитарное, административно-командное, как кричали с трибун народные избранники на съездах, а под белое ангельское — свободное, демократическое, но не была уверена на сто процентов. Возможно, она угодила под какое-то третье крыло.

У неё остался телевизор. Она его редко включала, только стирала пыль. Телевизор, таким образом, тоже был вредоносной иконой, но (применительно к Ангелине Иосифовне) не намоленной, декоративной. Иногда она поздней ночью смотрела передачи про животных, а ещё (стыдно признаться!) про голых мужчин и женщин, оказавшихся без вещей в диких тропических лесах. Их выдёргивали из привычной жизни в больших городах, привозили на необитаемые острова, в дебри Амазонки, лишали еды, одежды, и наблюдали через скрытые камеры, как они бродят среди лиан, прикрывшись листьями, в поисках крова и пропитания. Пару, которая продержится на подножном корме дольше других, или первой доберётся до указанной точки, ожидал солидный денежный приз. Должно быть, так неправильные телевизионные боги напоминали зрителям о судьбе Адама и Евы. Но зачем? Неужели для того, чтобы они поняли: рая нет! Есть исхлётанные, в синяках, сдувшиеся тела с отвисшими грудями и скомканными мошонками, колючая земля, коренья и змеи! В этих фильмах почему-то всегда присутствовали змеи. Особей малых размеров новоявленные Адам и Ева убивали палками и жарили на костре, в то время как крупные (удав, анаконды) подстерегали их, вытянувшись в траве или свесившись с деревьев. А что если, размышляла Ангелина Иосифовна, речь идёт о, так сказать, внутреннем рае — гармонии, а то и вспыхнувшей экстремальной любви между мужчиной и женщиной? Но уже не в раю под руководством мудрого змея-искусителя, а в тропическом чистилище под присмотром удава. Такое случалось в ГУЛАГе и гитлеровских лагерях смерти. Всюду жизнь. Но нет. Адам и Ева начинали ссориться из-за пустяков буквально на следующий день совместного обнажённого бытия.

Внутри любой «правильности» и «неправильности», подумала Ангелина Иосифовна, всегда прячутся противоречия. Фридрих Энгельс определял их, как единство и борьбу противоположностей. Глядя в пустой экран, она вспоминала слова другого великого человека — Вольтера. Пойдёмте, будто бы говорил он своим ученикам, собираясь в храм на службу, отдадим дань последнему человеческому предрассудку. Но вместе с этим предрассудком, мысленно возразила Ангелина Иосифовна уютно устроившемуся в мраморном кресле Вольтеру (именно этот из Эрмитажа мраморный памятник почему-то возник у неё перед глазами), слили и тебя вместе со свободой мысли, за которую ты был готов умереть. Она пошла дальше Вольтера — лишала предрассудок дани, не включала телевизор и плевать хотела на свободу мысли. Мысль всегда свободна, думала она, а тело всегда в плену.

Лишнее сало блестело, искрилось, рассыпалось светящимися каплями, как бенгальский огонь,

ослепляя и оглушая прикипевших к экранам, вонзивших в уши наушники зрителей, слушателей и пользователей. Оно насиловало русский язык смещёнными смыслами и словами-уродцами, типа: «борцун», «протестун», «топить», «илитка», «тусить», «америкос», «либераст». После вступления России в военный конфликт с прогнившей, но упорствовавшей в вековой ненависти к ней западной цивилизацией, количество слов-уродцев сильно увеличилось, они стали грубее и примитивнее. При этом под запрет стали попадать другие, простые как жизнь слова: «война», «мир», «свобода», «отступление». Какое время — такое и сало, брезгливо морщилась Ангелина Иосифовна, какое сало — такие и слова.

Она различала два вида скворчащего на сковородке времени сала — длинное и короткое. Длинное тлело долго, ползло сквозь эпохи — от СССР через перестройку в новую Россию — как воловья жила, как черепаший в круглых очках девяностолетний ведущий на первом канале телевидения. Короткое стирало быстро. Только что намазывалось на каждый экран и вдруг исчезало, как его и не было. Люди длинного сала таились в государственной тени. Короткого — теснились на глухариных «токшоу», исходили клетотом, но вдруг исчезали, уступая места очередным (по Оруэллу) идейно-крепким «речекрякам». Скучая за аптечным компьютером, Ангелина Иосифовна иногда узнавала о перемещении использованных речекряков в недружественные страны, откуда, как они недавно утверждали, на Россию катилось вселенское зло. Один выявил у себя предков-немцев и перебрался в Германию, другой, после того, как его уличили в воровстве бюджетных денег, затаился на итальянском курорте, третий, устроившись в американский университет, клеймил российскую власть и русский народ в социальных сетях.

Время в представлении Ангелины Иосифовны меняло образы, как балаганный лицедей маски. Иногда оно раздумчиво качалось на качелях из длинного сала, иногда ускоренно что-то жарило на плюющемся злыми брызгами, успевающим заработать здесь и свалить туда коротком.

Время черпало энергию, управляло людьми через сложение, вычитание, умножение и деление бытийно-событийных ландшафтов. Власть думала, что качается на крепких качелях в дворцовых садах, в то время как земля под качелями дымилась, фундаменты под дворцами шли трещинами. Воздушная иллюзия качелей умножалась на раскалённую, трещащую, как «пустой орех» (Ангелина Иосифовна помнила эту песню из советского фильма «Последний дюйм») землю. Возникало новое уравнение. Внутри одних скобок не хватало воздуха. Внутри других огонь хватал за пятки.

Ангелина Иосифовна не интересовалась политикой, да, пожалуй, что и народом, вершителем (по Марксу) истории. Она твёрдо знала, что время, как злой бегемот помнёт, потопчет людей, не разбираясь, кто в воздухе, а кто на земле. Внутри новой формулы всем будет плохо.

Если она чем-то интересовалась, так это историей. Из неё следовало, что в России, будь она княжеской, ордынской, царской, императорской, советской, буржуазной, в моменты перемены ландшафтов неизменно торжествует самый отвратительный из возможных вариантов. Ей было не отделаться от ощущения, что этот, пока призрачный, но с каждым днём набирающий плотность, вариант, как невидимый оборотень ходит за ней, принюхивается, приглядывается, точит зубы, чтобы... Что?

Она не знала, но догадывалась.

У Ангелины Иосифовны, вообще, было много неясных параметров, по каким она классифицировала людей и события. Ей нравился простой, как жизнь и смерть, как «да» и «нет», принцип разделения сущностей внутри придуманных ею таблиц.

Разноглазый юноша с леденцами и презервативами проскочил тараканом, не угодив ни в одну из её мысленных таблиц. Мелькнув короткими штанами, он выскочил из аптеки, едва не сбив с ног пристойного вида господина в лёгком (не дешёвом) пальто и воздушном сиреневом шарфе. Шарф игриво струился по воротнику, но Ангелина Иосифовна (она была русской женщиной) почему-то подумала о петле.

Прелесть мысленных таблиц заключалась в том, что они, как Вселенная, не знали пределов — расширялись до красных гигантов, съезжались в белые карлики, рассыпались метеоритами, летели хвостатыми кометами, растворялись в чёрных дырах. Ей вдруг захотелось двумя пальцами прихватить господина за лацкан тонкорунного пальто, небрежно поинтересоваться: «Почём суконце брал, любезный?». Дивясь внезапному (в духе пьес Островского) озорному желанию, она поместила вошедшего господина в раздел «среднее сало». На длинное он не тянул по возрасту. Черепаха (с этим неторопливым морщинистым существом у Ангелины Иосифовны с детства ассоциировалась старость) ещё не придавила его панцирем. Для короткого сала господин был слишком опрятен и задумчив. Представители этого вида ходили энергичной походкой с бесстыжим огоньком в глазах. Среднее сало, но с длинной мыслью, подумала Ангелина Иосифовна, рефлексующее сало. О чём задумался, приветливо посмотрела на господина, конечно же, о жизни и смерти. О чём ещё думать в аптеке?

По этому, с античных времён занимающему философов вопросу, у неё тоже имелась табличная заготовка.

Люди ходили (плавали подобно рыбам) под толстым или тонким слоем жизни (живой воды) над головой. К жизневодным, как она их определяла, Ангелина Иосифовна относилась ровно, можно сказать, с симпатией. Это были опытные, не нуждающиеся в её советах, жалости или сочувствии боевые пловцы. Некоторые из них сами, как опытные геофизики или экстрасенсы, добывали живую воду.

Ей вспомнился недавно явившийся в аптеку за перекисью водорода, похожий на ободранного стра-

уса, пропахший мочой старик в многокарманном камуфляже с лыжной палкой. Наверное, он когда-то служил в армии на мелкохозяйственных должностях, а может, егерем в охотхозяйстве.

«Пушечное мясо беды и вечной жизни приветствует тебя, женщина!», — рявкнул он с порога, усилив голосовой эффект ударом палки по полу.

«И вам не хворать», — вежливо ответила Ангелина Иосифовна, подумав, что раскалённые пушки нуждаются в охлаждении, а мясо без масла сохнет на сковородке. Спокойствие, сказала она себе, подобно воде усмиряет огонь безумия, сбивает его встречным палом, подобно маслу врачует ожоги. Потребовавший целую упаковку — десять стограммовых пластиковых бутылочек перекиси водорода, старик озадачил её своим глумливым жизнелюбием. А ещё — пронизательностью.

«Ты никогда не хвораешь, — погрозил он ей кривым и грязным, как вытасненным из земли корнем, пальцем. — Ты...» — усталый на Ангелину Иосифовну, сильно натянув нижнюю на верхнюю (исполнить подобное можно было только при отсутствии зубов) губу.

«Зачем вам столько?» — поинтересовалась она, переводя разговор в другое русло. Она догадывалась, кто он. Старик тоже (на счёт неё) догадался, но не до конца. Его таблица обветшала, истаскалась в веках. Её — только заполнялась живыми элементами. Моя таблица круче, решила Ангелина Иосифовна. Я отсекаю сущности, ты — тупишь, как школьник на удалёнке.

«Я каждое утро пью воду с перекисью водорода и морской солью, — снова стукнул палкой по полу старик, вернув губу на место, — поэтому я бессмертен!».

Ты — сухой сучок, мысленно возразила она мочевому старику, существуешь только потому, что всем плевать, есть ты или нет. Ты — мусор с помойки времени.

Принесла со склада коробку.

Расплатившись мятыми, какими-то обесцвеченными (наверное, пролил на них перекись) сотенными купюрами, старик вскрыл коробку, прогулялся ладонью по головам бутылочек, как если бы они были живыми и стосковались по его ласке: «Милые, милые мои смертестопы...» — Распихал по карманам.

«Не качай плюмажем, служивая, — обернулся на выходе, — не ты запрягала. Сама хоть знаешь, куда поскачешь?».

«Ты что ли знаешь?» — спросила Ангелина Иосифовна.

Это было невозможно, но она вдруг и впрямь ощутила себя бойкой, перебирающей копытами лощадкой с ровно подстриженной чёлкой и невесомым плюмажем на голове. Элемент, как поезд по рельсам, простучала в голове цитата из Ленина, нет, не элемент, электрон столь же неисчерпаем, как атом. И — следом — прицепной вагон из Шпенглера, а может Шопенгауэра: «Всякое превосходство — иллюзия, всякое знание — обман». Надо открыть дверь, растерянно подумала она, чтобы выветрилась моча.

«Работаешь, — похвалила старика, — мастерство не пропёшь».

«Я пробник по твою душу, — хрюкнул, гаденько ухмыльнувшись, старик, — ласковый такой конёк, покрою кобылку, смажу засов, чтобы потом, когда срок, элитный жеребец не промахнулся».

«Как вам не стыдно?» — возмутилась Ангелина Иосифовна, возвращаясь в служебную реальность, обнуляя (с некоторых пор это слово укоренилось в русском языке) ситуацию.

«Мне не может быть стыдно, — ткнул пальцем в застеклённый фотографический портрет президента старик. — Я сам стыд. Гляди-ка, где повесили. Лучший друг физкультурников и фармацевтов!»

Ангелина Иосифовна тоже посмотрела на портрет. Он висел высоко, уборщица украдкой вытирала его стремительно вскинутой шваброй, как знаменем, но иногда забывала, и портрет покрывался пылью. Президент как будто растворялся в стене, смотрел вдаль, как капитан, сквозь морской туман. Лекарства на аптечных стеллажах периодически менялись. В тот день под портретом были выставлены презервативы и средства, укрепляющие потенцию. Нехорошо, посмотрела Ангелина Иосифовна на яркие в драконах и полуобнажённых красавицах «Секрет императора» и «Огонь любви», надо поменять на витамины по программе «Московское долголетие». Они жались в дальнем углу, и не всякий стремящийся к долголетию пенсионер мог их сразу разглядеть.

«Не проморгай коня, женщина, — попрощался старик, — зря не хочешь с пробником, в этих делах опытным лишним не бывает».

«Оторву на скаку, — вспомнила великого русского поэта Некрасова, гения уныния, как назвал его Корней Чуковский, Ангелина Иосифовна, — прямо в горящей избе».

«Шаловливая... — старик, похоже, был из тех, кто оставляет последнее (обидно-гнусное, не сомневалась Ангелина Иосифовна) слово за собой, — смотри не перешали...» — вышел, унося перекись водорода и острый запах мочи на улицу.

Она хотела крикнуть: «Козёл!», но не успела. Зато успела заметить, что воздушная волна (толща жизненных вод) над плешивой головой старика определённо колыхнулась, кисельно загустела и словно выстрелила в себя ультрамарином. Кому что, подумала Ангелина Иосифовна, кому — стволовые клетки, трансплантация, антираковые нанороботы в артерии, кому — перекись водорода с солью.

Плешивый старик с лыжной палкой разбудил в ней фантазию, навёл на мысли о неправильных богах, конкретно о древнем козлоноге Пане. В первом веке нашей эры специальный вестовой был отправлен на остров Капри к римскому императору Тиберию с известием о смерти великого Пана. Почему-то это событие совпало по времени с появлением в Иудее Иисуса Христа.

А что если Пан не умер, предположила Ангелина Иосифовна, а тяжело и надолго задремал (он, помимо того, что сеял панику, ещё и навевал свирелью свирепый полуденный сон), проспал христианскую эру, а сейчас проснулся или воскрес. И... адаптировался, как бог меньшинств. Христианство придави-

ло его вместе с сатирами, фавнами, нимфами, прочими отступниками от «образа и подобия» каменными готическими соборами, мраморными алтарями, проломило череп «Молотом ведьм», загнало под железный веник. Раньше возле соборов жгли ведьм и ведьмаков, а теперь горят сами соборы. Хотя, отметила Ангелина Иосифовна, в старикашке не ощущалось горделивой спеси недобитого ретробожества. Ужо я вам! Перекись водорода и морская соль — плохая замена нектара и амброзии, или чем там питался Пан? У жизневодных, как у веганов или мясоедов, своё меню. Любое, даже самое изысканное, меню рано или поздно превращается в фаст-фуд.

Аптечных ходоков из второй графы её таблицы вода не держала. Более того, презрительно выгалкивала, выплёвывала на поверхность. Они ныряли, чтобы ухватить со дна удачу, но капризные воды не желали их принимать, уподоблялись Мёртвому морю, где невозможно ни нырнуть, ни утонуть. Не толща вод, но истончённый до дыр покров истекающего бытия невесомо трепетал над их головами, как сиреневый шарф на шее вошедшего в аптеку господина. В зияющие дыры задували горькие полынные ветры.

Просроченные, отключённые от смертестоба, жизнелюбные, точнее жизнеиссыхающие люди часто выглядели вполне здоровыми, а некоторые, как, к примеру, заинтересовавший Ангелину Иосифовну господин, так очень даже привлекательно. Ей понравились умная пустота в его глазах, седая, напоминающая алюминиевую стружку щетина. Она не только скрывала неизбежные в его возрасте меридианы морщин, делала господина моложе, но как бы счищала с лица лишние мысли, оставляя единственную — ту, которая привела его в аптеку за лекарством, которого здесь не было.

Я бы залила тебя перекисью, засыпала солью, подумала Ангелина Иосифовна, но это не поможет. Ты — не ретробожество. Жизнь и здоровье — вещи взаимосвязанные, но разной природы.

Пятьдесят три, определила она возраст жизнеиссыхающего посетителя. Она не знала, откуда знает, но опять-таки не заморачивалась размышлениями на сей счёт. Просто знала и всё. Зачем искать объяснения тому, что невозможно объяснить?

Ленин, вспомнилось ей, умер в пятьдесят три года страшным, лысым и безнадежно больным стариком. Репродукция его чёрно-белой фотографии висела на стене в кабинете заведующего аптекой на излёте советского времени. Мелким начальникам после разоблачения Сталина на двадцатом съезде КПСС было позволено самим выбирать под чьим портретом сидеть: Ленина или действующего генсека. Такое вышло послабление. Карьеристы и взяточники, как правило, предпочитали облагороженного и омоложенного действующего генсека, а верные последователи — пронзительные (с мыслью в глазах) фотографии Ильича, чьё учение казалось им несокрушимым и вечным, как прихожанам-католикам до недавнего времени Собор Парижской Богоматери.

Заведующий был молод, вихраст, любил Маяковского, верил в социализм и, естественно, ненавидел перестройку. После мединститута (специализация — акушер-гинеколог), отработав положенный по распределению срок в женской консультации, он перебрался в «Медицинскую газету», а оттуда — в аптеку на углу улицы Кирова, так тогда называлась Мясницкая. В газете он редактировал литературную страницу, где печатал рассказы Чехова, Булгакова и Вересаева. «До меня там не было такой страницы, — признался он Ангелине, однажды застав её в обеденный перерыв с книгой «Под сенью девушек в цвету» Марселя Пруста. — Бред! Медицина — жизнь и смерть, как можно без литературы?» Легкомысленное название романа и рвущаяся из платья юная плоть Ангелины настроили заведующего на лирический лад. Он наверняка помнил строчки Маяковского: «Двое в комнате, я и Ленин фотографией на белой стене», но в тот момент он о них определённо не думал и на фотографию не смотрел.

Ангелина Иосифовна не знала, падало ли в кабинете на фотографию солнце, как в стихотворении Маяковского и «чистил» ли себя под Лениным заведующий. Он уволился сразу после того, как аптека угодила в широко раскинувшуюся по Москве сеть «Будьте здоровы!», сказав на прощание Ангелине: «Жаль, что у нас не получилось. Но ты не скучай, здоровье всё пересилит!».

Она так и не поняла, что он имел в виду — её персональное девичье здоровье, или работу в аптечной сети? Или два здоровья сразу? А может, три? Помнится, она как-то увидела в телевизоре хозяина сети «Будьте здоровы!» — задыхающееся от жира, едва переставляющее слоновьи ноги пирамидальное существо с чёрными кустиками волос на рытой лунной голове. Кажется, тогда он заседал в Государственной думе и боролся с «поднимающим бритую голову», так он выразился, фашизмом. Ангелина сразу догадалась, что здоровье он берёт в кредит у денег, а деньги — в кредит у государства, которое потом ему прощает долги, реструктуризирует их так, что от долгов ничего не остаётся. Два человека за его спиной (снямали на улице) были не охранниками, а медиками. Она ещё в детстве научилась читать по губам, а потому поймала хвост их неслышного зрителям разговора: «...неконтролируемая дефекация».

Уходящий «по собственному» заведующий успел провести с Ангелиной стремительный политикбез. Прежний общественный строй, объяснил он, давал народу простое, как пирамидон, массовое здоровье в невозвратный кредит у грядущей счастливой жизни. При новом строе (сейчас никто не знает, как его назвать) здоровье становится товаром. Бесплатное здравоохранение будет уничтожено. «Плати или умри», подвёл итог заведующий, так переводится «Будьте здоровы!» с рыночного языка.

У Ангелины и начальника действительно не получилось. Он застал её поздним вечером с зажатой между ног ладонью в расстёгнутом снизу халате, сладко постанывающую на складском подоконнике

среди коробок с лекарствами и медицинской техникой. Зашёл, включил свет и увидел. Двое в комнате, успела подумать Ангелина, а Ленина нет! «Зачем? — изумился он. — Ты... красивая! Неужели у тебя нет парня?» — «Без парня надёжнее». — Она ящерницей соскользнула с подоконника. «Это... противестественно», — опустил глаза заведующий, не сразу подобрав нужное слово. Он был хоть и прогрессивным, возможно, даже читавшим Марселя Пруста, но твёрдым, как накрахмаленный халат, марксистом-ленинцем. Советская медицинская наука однозначно относилась к тому, чем занималась Ангелина, к хоть и естественному, но неподобающему, требующему профилактических бесед, отклонению от нормы.

Ангелина, в отличие от него, не испытала ни смущения, ни стыда. Вся её жизнь была отклонением от нормы: «Ничего, я успела». — «Рад, что не помешал. Ага, вот она! — Заведующий растерянно взял с подоконника папку с накладными, зашелестел тонкими жёлтыми страницами. — Тетрациклин уже на тридцать процентов дороже!» — посмотрел на Ангелину, зовя к совместному негодованию. «Ты мне нравишься, но ты не при моих делах», — ответила Ангелина. Она хотела добавить: «Пришёл, увидел и... не победил», но промолчала. Кто знает, что получилось, если бы... Никто, подумала Ангелина. «Цены не останавливаются, — проводила взглядом уходящего начальника. — Ты сам сказал: умри или плати!»

Упала на подоконник и разрыдалась.

На фотографии Ленин смотрелся мыслящим орлом и только (она не понимала за что ей такая честь) Ангелине приоткрывал свой истинный предсмертный жизнеиссохший лик. Нимб над головой вождя мирового пролетариата был тонок и невесом, как паутина. Однако же, половина земного шара многие годы билась в неё, как муха. И ничего, держала паутина. А ещё она держала цены на лекарства в годы существования СССР. Когда смотришь не туда, составила в голове Ангелины мнимо народная пословица-поговорка, то и видишь не то. Относилась она и к Ленину, точнее, к социализму, упустившему половину земного шара, и к начальнику, упустившему Ангелину.

Всё неурочное — у Ленина всемирная революция, у Ангелины — появление начальника на складе — ломало, сдвигало жизнь в неожиданные плоскости, вносило в неё отвратительную, как на картинах Сальвадора Дали ясность. Она злила людей, заставляла их ненавидеть друг друга. Мать сдала Ангелину в психоневрологический интернат, когда той едва исполнилось двенадцать. Раньше не брали, считалось, что природа может спохватиться и исправить генетический брак.

Много лет назад мать (тоже неурочно) вернулась с работы и застала дочь не за приготовлением уроков с тетрадами и учебниками, а стремительно слизывающую с клеёнки рассыпанные таблетки и капсулы. В их квартире водились лекарства. Мать Ангелины работала в городском аптечном управлении. Она осторожно приторговывала редкими и не всем до-

ступными медикаментами, но имела дело только с проверенными покупателями.

«Тварь! — она смахнула со стола таблетки, бросилась их топтать, превращая в белую пыль. — Сколько можно? Ты жрёшь их с тех пор как научилась ползать! Если до сих пор не сдохла, ты уже не человек, у тебя внутри всё другое! Но ничего, я тебя вылечу.. Я долго терпела!».

Мать вызвала «Скорую», но приехавшая бригада не обнаружила у Ангелины никаких признаков отравления. «Девочка совершенно здорова, а вот вы... — покосился врач на прыгающие руки матери. — Вы, говорите, она проглотила таблетки? Какие именно? Что вы принимаете?».

«Ты мне кого прислала, идиотка? — схватилась мать за телефон едва бригада покинула квартиру. — Я сказала, из детской психиатрической, а ты учёного терапевта, да ещё с практикантами из центральной больницы! Я его вспомнила, читал у нас лекцию про организацию аптечного дела в сельской местности. Откуда я знаю, какая у тебя сидит смена на коммутаторе ... Ладно!» — бросила трубку.

«Я буду работать в аптеке, — сказала Ангелина, когда мать, как ей показалось, успокоилась и притихла. — Провизором», — незнакомое слово произнеслось само собой. Вылетело или влетело как оса из (в) форточки(у).

«Через мой труп. Если выберешься из сумасшедшего дома», — мрачно ответила мать.

Ангелина выбралась.

В подписанной лечащими специалистами характеристике отмечались её идеальное поведение, уважительное отношение к персоналу, неукоснительное соблюдение режима, своевременный приём прописанных медикаментов. Там также указывалось, что она сдала экстерном на «отлично» экзамены за восьмой класс и получила диплом второй степени за сочинение на городской олимпиаде по литературе на тему: «Природа и лирика в ранних повестях Ф. М. Достоевского». Истребованный из педагогического института (там проводилась олимпиада) текст сочинения прилагался, как дополнительное свидетельство её восстановившегося душевного здоровья. Ангелина написала в этом сочинении, что тремя любимыми авторами Достоевского были Жорж Занд, Бальзак и Диккенс. Поэтому в его творчестве причудливо сплелись: наивный романтизм, социальная проблематика и нервно-эпический, подобный реке, куда нельзя войти дважды, романтический взгляд на жизнь.

Областная врачебная комиссия согласилась с выводами лечащих специалистов из диспансера.

«Вручаем вам путёвку в жизнь, — торжественно объявил председатель комиссии, — пожилой психиатр со сбившейся набок серой козлиной бородкой. Он вдруг неожиданно подмигнул Ангелине, одновременно высунув и тут же спрятав кончик языка. Чёртик, сделала вид, что не заметила Ангелина, только рожек не хватает. Почему не лечит тик? — Вручать-то вручаем, — между тем продолжил председатель, отложив справку о выписке (путёвку в жизнь) в сторону,

зашуршав густо исписанными страницами пухлой, как романы Жорж Занд, Бальзака и Диккенса, медицинской карты Ангелины. — Только куда вы, милочка, по ней поедете? — выдержал многозначительную, нарушившую сонное оцепенение комиссии, паузу. — Насчёт Бальзака и Диккенса спорить не буду, но вот Жорж Занд... У Ставрогина романтизм? Или у Версилова, Свидригайлова, Смердякова? Хороший романтизм — растлевать детей, ломать иконы, ненавидеть свою страну! Где вы списали эту чушь, неужели у Розанова?» — «Я имела в виду раннего Достоевского, — встревожилась Ангелина, отслеживая перемещение (для подписания) по столу между членами комиссии справки. — Разве Макар Девушкин, Неточка Незванова, другие молодые бедные люди у него не романтики?» — «Да-да, — выхватил из кармана платок, трубно высморкался председатель. — Где психоневрологический стационар, там и единственный в двух лицах Достоевский — вечный врач и неизлечимый пациент, как без него? Мог бы с вами поспорить и о его романном взгляде на жизнь. Достоевского не волновало сколько раз можно войти в реку. Он всегда гнал её к водопаду. Падение для Достоевского сладость, а шизофрения — повивальная бабка красоты, которая спасёт мир! Ладно, коллеги, визируйте, она всё равно всех нас пережитит и переживёт! Будьте здоровы, милочка, смотрим следующего, который задушил отца».

Мать вскоре получила срок за незаконную торговлю сильнодействующими психотропными препаратами. Кто-то сообщил в милицию. Её взяли в кафе «Лилия», где она встретилась с подругой, чтобы передать той коробку с антидепрессантами. Ей бы удалось отвертеться, если бы оперативники не обнаружили в её сумке несколько упаковок других, относящихся к категории обезболивающих наркосодержащих, препаратов. Они выдавались исключительно по специальным рецептам и под расписку в онкологических клиниках.

До того как Ленин обрёл черепаший лик, отвлеклась от житейских воспоминаний (психиатрический дед был прав насчёт водопадов), вернулась мыслями к более важным вопросам Ангелина Иосифовна, он успел перевернуть мир. Она где-то читала, что Ленин умер непокорённым. Отдал свой бешеный (как водопад, или... топор?) разум миру, и мир, пусть не весь, но частично, в виде исчезнувшего СССР и примкнувших к нему стран, некоторое время существовал внутри его разума. А потом выломился из ленинской черепной коробки, бросился в водопад и, похоже, всё ещё падает... А может, упал, но не сумел выбраться из жизнелюбного водопадного водоворота?

Она вдруг увидела странный, застывший в воздухе шар, одновременно похожий на глобус, мяч и... человеческий череп. Тяжёлый, словно накачанный особым взрывчатым свинцом (она читала про такой на каком-то научном сайте), шар висел даже не в воздухе, а внутри чёрного космического безмолвия. Висел вопреки законам природы, определённо собираясь взорваться. Невидимая рука удерживала его в простран-